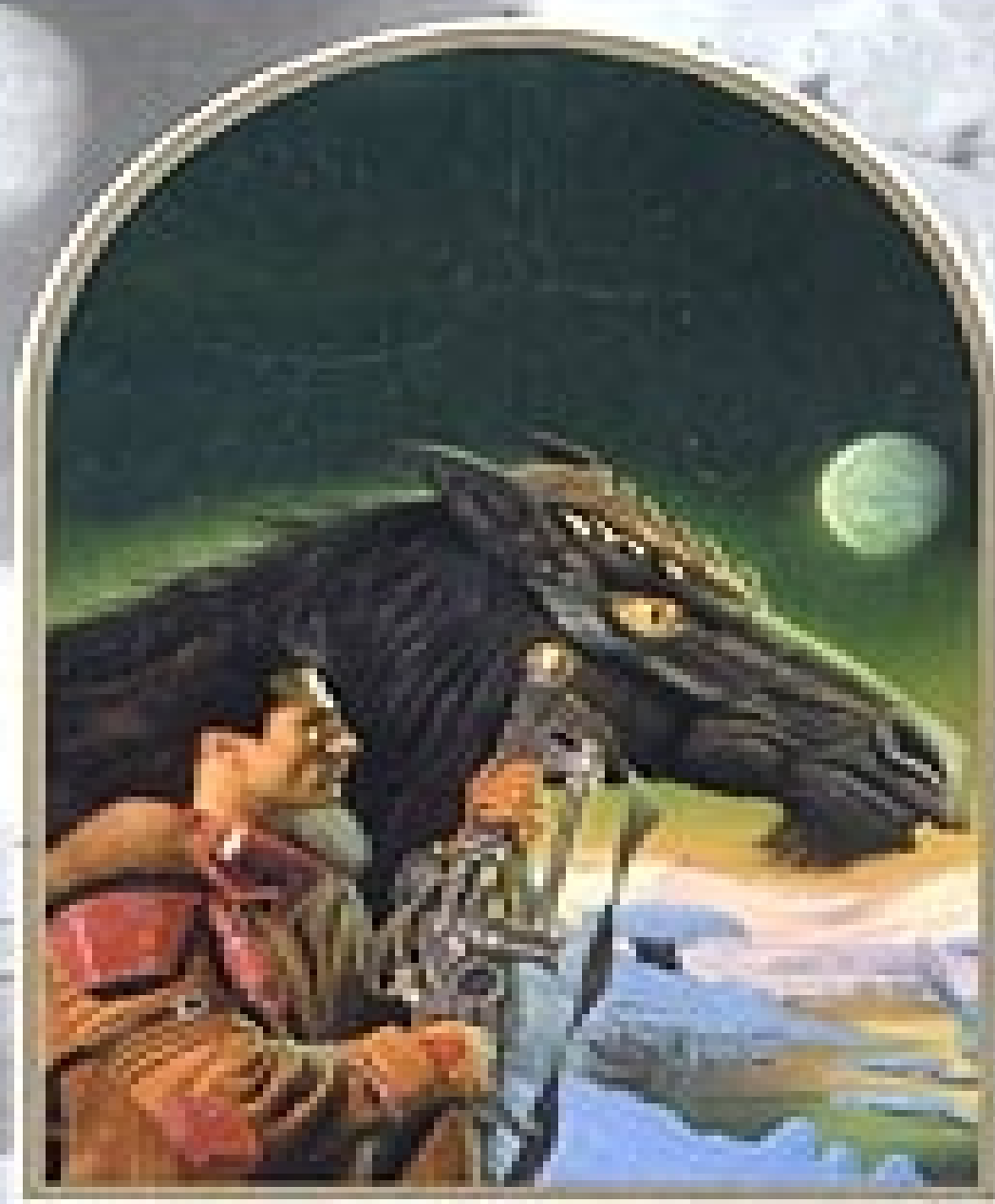

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

представляет:

*Золотой Век
фантастики*

Annotation

Путешествуя во времени, Говард Карпентер ожидал встретить в верхнемеловом периоде всё, что угодно, но никак не двух детей, да ещё и с Марса. Пережив вместе опасные приключения, брат и сестра привязались к Говарду, но время и расстояние не оставили им никаких шансов на продолжение дружбы.

Или всё-таки маленький шанс остался?

- [Роберт Янг](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-
-

Роберт Янг
У начала времен

Карпендер не удивился, увидев стегозабра, стоящего под высоким гинкго. Но он не поверил своим глазам, увидев, что на дереве сидят двое детей. Он знал, что со стегозавром рано или поздно повстречается, но встретить мальчишку и девчонку он никак не ожидал. Ну, скажите на милость, откуда они могли взяться в верхнемеловом периоде?

Подавшись вперед в водительском сиденье своего трицератанка с автономным питанием, он подумал – может быть, они как-то связаны с той непонятной ископаемой находкой из другого времени, ради которой он был послан в век динозавров, чтобы выяснить, в чем дело? Правда, мисс Сэндз, его главная помощница, которая устанавливала по времяскопу время и место, ни слова не сказала ему про детишек, но это еще ничего не значило. Времяскопы показывают только самые общие очертания местности – с их помощью можно еще увидеть средней величины холм, но никаких мелких подробностей не разглядишь.

Стегозабр слегка толкнул ствол гинкго своей гороподобной задней частью. Дерево судорожно дернулось, и двое детей, которые сидели на ветке, чуть не свалились прямо на зубчатый гребень, проходивший по спине чудовища. Лица у них были такие же белые, как цепочка утесов, что виднелись вдаль, за разбросанными там и сям по доисторической равнине магнолиями, дубами, рошцами ив, лавров и веерных пальм.

Карпендер выпрямился в своем сиденье.

– Вперед, Сэм, – сказал он трицератанку. – Давай-ка ему покажем!

* * *

Покинув несколько часов назад точку входа, он до сих пор двигался не спеша, на первой передаче, чтобы не проглядеть каких-нибудь признаков, которые могли бы указать на ориентиры загадочной находки. С не поддающимися определению анахронизмами всегда так – палеонтологическое общество, где он работал, обычно гораздо точнее определяло их положение во времени, чем в пространстве. Но теперь он включил вторую передачу и навел все три рогопушки, торчавшие из лобовой части ящерохода, точно в крестцовый нервный центр нахального стегозабра. «Бах! Бах! Бах!» – прозвучали разрывы парализующих зарядов, и вся задняя половина стегозабра осела на землю. Передняя же его половина, получив от крохотного, величиной с горошину, мозга сообщение о том, что случилось нечто неладное, изогнулась назад, и маленький глаз, сидевший в голове размером с пивную кружку, заметил приближающийся трицератанк. Тут же короткие передние лапы чудовища усиленно заработали, пытаясь унести десятитонную горбатую тушу подальше от театра военных действий.

Карпендер ухмыльнулся.

– Легче, легче, толстобокий, – сказал он. – Клянусь тиранозавром, ты не успеешь опомниться, как будешь снова ковылять на всех четырех.

Остановив Сэма в десятке метров от гинкго, он посмотрел на перепуганных детей сквозь полупрозрачный лобовой колпак кабины ящерохода. Их лица стали, пожалуй, еще белее, чем раньше. Ничего удивительного – его ящероход был больше похож на трицератопса, чем многие настоящие динозавры.

Карпендер откинул колпак и отшатнулся – в лицо ему ударил влажный летний зной, непривычный после кондиционированной прохлады кабины. Он встал и высунулся наружу.

– Эй вы, слезайте, – крикнул он. – Никто вас не съест!

На него уставились две пары самых широко открытых, самых голубых глаз, какие он в жизни видел. Но в них не было заметно ни малейшего проблеска понимания.

– Слезайте, говорю! – повторил он. – Бояться нечего.

Мальчик повернулся к девочке, и они быстро заговорили между собой на каком-то певучем языке – он немного напоминал китайский, но не больше, чем туманная изморось напоминает дождь. А с современным американским у этого языка было не больше общего, чем у самих детей с окружавшим их мезозойским пейзажем. Ясно было, что они ни слова не поняли из того, что сказал Карпентер. Но столь же явно было, что они как будто бы успокоились, увидев его открытое, честное лицо или, быть может, услышав его добродушный голос. Переговорив между собой, они покинули свое воздушное убежище и спустились вниз – мальчик полез первым и в трудных местах помогал девочке. Ему можно было дать лет девять, а ей – лет одиннадцать.

Карпентер вылез из кабины, прыгнул со стальной морды Сэма и подошел к детям, стоявшим у дерева. К этому времени стегозавр уже вновь обрел способность управлять своими задними конечностями и во всю прыть удирал прочь по равнине. Мальчик был одет в широкую блузу абрикосового цвета, сильно запачканную и помятую после лазания по дереву; его широкие брюки того же абрикосового цвета, такие же запачканные и помятые, доходили до середины худых икр, а на ногах были открытые сандалии. На девочке одежда была точно такая же, только лазурного цвета и не столь измятая и грязная. Девочка была сантиметра на два выше мальчика, но такая же худая. Оба отличались тонкими чертами лица и волосами цвета лютика, и физиономии у обоих были до смешного серьезные. Можно было не сомневаться, что это брат и сестра.

Серьезно глядя в серые глаза Карпентера, девочка произнесла несколько певучих фраз – судя по тому, как они звучали, все они были сказаны на разных языках. Когда она умолкла, Карпентер покачал головой:

– Нет, это я ни в зуб ногой, крошка.

На всякий случай он повторил те же слова на англосаксонском, греко-эолийском, нижнекроманьонском, верхнеашельском, среднеанглийском, ирокезском и хайянопортском – обрывки этих языков и диалектов он усвоил во время разных путешествий в прошлое. Но ничего не вышло: все, что он сказал, звучало для этих детей сущей тарабарщиной.

Вдруг у девочки загорелись глаза, она сунула руку в пластиковую сумочку, висевшую у нее на поясе, и достала что-то вроде трех пар сережек. Одну пару она протянула Карпентеру, другую – мальчику, а третью оставила себе. И девочка и мальчик быстро приспособили себе сережки на мочки ушей, знаками показав Карпентеру, чтобы он сделал то же. Он повиновался и обнаружил, что маленькие диски, которые он принял было за подвески, – это на самом деле не что иное, как крохотные мембраны. Достаточно было защелкнуть миниатюрные зажимы, как мембраны оказывались прочно прижатыми к отверстию уха. Девочка критически оглядела результаты его стараний, приподнялась на цыпочки и ловко поправила диски, а потом, удовлетворенная, отступила назад.

– Теперь, – сказала она на чистейшем английском языке, – мы будем понимать друг друга и сможем во всем разобраться.

Карпентер уставился на нее.

– Ну и ну! Быстро же вы научились говорить по-нашему!

– Да нет, не научились, – ответил мальчик. – Это сережки-говорешки – ну, микротрансляторы. Когда их наденешь, то все, что мы говорим, вы слышите так, как если бы вы сами это сказали. А все, что вы говорите, мы слышим так, как это сказали бы мы.

– Я совсем забыла, что они у меня с собой, – сказала девочка. – Их всегда берут с собой в путешествие. Мы-то, правда, не совсем обычные путешественники, и их бы у меня не было, но

получилось так, что, когда меня похитили, я как раз шла с урока общения с иностранцами. Так вот, – продолжала она, снова серьезно заглянув в глаза Карпентеру, – я думаю, что если вы не возражаете, лучше всего сначала покончить с формальностями. Меня зовут Марси, это мой брат Скип, и мы из Большого Марса. А теперь, любезный сэр, скажите, как вас зовут и откуда вы?

* * *

Нелегко было Карпентеру, отвечая, не выдать своего волнения. Но нужно было сохранить спокойствие: ведь то, что он собирался сказать, было, пожалуй, еще невероятнее, чем то, что только что услышал он.

– Меня зовут Говард Карпентер, и я с Земли, из 2156 года. Это 79.062.156 лет спустя.

Он показал на трицератанк.

– А это Сэм, моя машина времени. Ну, и еще кое-что сверх того. Если его подключить к внешнему источнику питания, то его возможностям практически не будет предела.

Девочка только моргнула, мальчик тоже – и все.

– Ну что ж, – через некоторое время сказала она. – Значит, мы выяснили, что вы из будущего Земли, а я – из настоящего Марса.

Она умолкла, с любопытством глядя на Карпентера.

– Вы чего-то не понимаете, мистер Карпентер?

Карпентер сделал глубокий вдох, потом выдох.

– В общем, да. Во-первых, есть такой пустяк – разница в силе тяжести на наших планетах. Здесь, на Земле, вы весите в два с лишним раза больше, чем на Марсе, и мне не совсем понятно, как это вы умудряетесь здесь так свободно двигаться, а тем более лазить вон по тому дереву.

– А, понимаю, мистер Карпентер, – ответила Марси. – Это вполне справедливое замечание. Но вы, очевидно, судите по Марсу будущего, и столь же очевидно, что он сильно отличается от Марса настоящего. Я думаю... я думаю, за 79.062.156 лет многое могло измениться. Ну, ладно. В общем, мистер Карпентер, в наше со Скипом время на Марсе примерно такая же сила тяжести, как и на этой планете. Видите ли, много веков назад наши инженеры искусственно увеличили существовавшую тогда силу тяжести, чтобы наша атмосфера больше не рассеивалась в межпланетном пространстве. И последующие поколения приспособились к увеличенной силе тяжести. Это рассеяло ваше недоумение, мистер Карпентер?

Ему пришлось сознаться, что да.

– А фамилия у вас есть? – спросил он.

– Нет, мистер Карпентер. Когда-то у марсиан были фамилии, но с введением десентиментализации этот обычай вышел из употребления. Но прежде чем мы продолжим разговор, мистер Карпентер, я хотела бы поблагодарить вас за наше спасение. Это... это было очень благородно с вашей стороны.

– К вашим услугам, – ответил Карпентер, – боюсь только, что если мы и дальше будем так здесь стоять, мне придется опять вас от кого-нибудь спасать, да и себя заодно. Давайте-ка все трое залезем к Сэму в кабину – там безопасно. Договорились?

Он первым подошел к трицератанку, вскочил на его морду и протянул руку девочке. Когда она взобралась вслед за ним, он помог ей подняться в кабину водителя.

– Там, позади сиденья, небольшая дверца, – сказал он. – За ней каюта; лезь туда и устраивайся как дома. Там есть стол, стулья и койка и еще шкаф со всякими вкусными вещами. В общем все удобства.

Но не успела Марса подойти к дверце, как откуда-то сверху раздался странный свист. Она

взглянула в небо, и ее лицо покрылось мертвенной бледностью.

– Это они, – прошептала она. – Они нас уже нашли!

И тут Карпентер увидел темные крылатые силуэты птеранодонов. Их было два, и они пикировали на трицератанк подобно звену доисторических бомбардировщиков.

Схватив Скипа за руку, он втащил его на морду Сэма, толкнул в кабину рядом с сестрой и приказал:

– Быстро в каюту!

Потом прыгнул в водительское сиденье и захлопнул колпак.

И как раз вовремя: первый птеранодон был уже так близко, что его правый элерон царапнул по гофрированному головному гребню Сэма, а второй своим фюзеляжем задел спину ящерохода. Две пары реактивных двигателей оставили за собой две пары выхлопных струй.

Карпендер так и подскочил в своем сиденье. Элероны? Фюзеляж? Реактивные двигатели? Птеранодоны?

Он включил защитное поле ящерохода, установив его так, чтобы оно простиралось на полметра наружу от брони, потом включил первую передачу. Птеранодоны кружились высоко в небе.

– Марси, – позвал он, – подойди-ка сюда на минутку, пожалуйста.

Она наклонилась через его плечо, и ее ярко-желтые волосы защекотали ему щеку.

– Да, мистер Карпендер?

– Когда ты увидела птеранодонов, ты сказала: «Они нас уже нашли!» Что ты имела в виду?

– Это не птеранодоны, мистер Карпендер. Я, правда, не знаю, что такое птеранодоны, но это не они. Это те, кто нас похитил, на списанных военных самолетах. Может быть, эти самолеты и похожи на птеранодонов – я не знаю. Они похитили нас со Скипом из подготовительной школы Технологического канонизационного института Большого Марса и держат в ожидании выкупа. Земля – их убежище. Их трое: Роул, Фритад и Холмер. Один из них, наверное, остался на корабле.

Карпендер промолчал. Марс 2156 года представлял собой унылую, пустынную планету, где не было почти ничего, кроме камней, песка и ветра. Его население состояло из нескольких тысяч упрямых колонистов с Земли, не отступавших ни перед какими невзгодами, и нескольких сотен тысяч столь же упрямых марсиан. Первые жили в атмосферных куполах, вторые, если не считать тех немногих, кто женился или вышел замуж из одного из колонистов, – в глубоких пещерах, где еще можно было добыть кислород. Однако раскопки, которые в двадцать втором веке вело здесь Внеземное археологическое общество, действительно принесли несомненные доказательства того, что свыше семидесяти миллионов лет назад на планете существовала супертехнологическая цивилизация, подобная нынешней земной. И конечно, было естественно предположить, что такой цивилизации были доступны межпланетные полеты.

А раз так, то Земля, где в те времена завершалась мезозойская эра, должна была стать идеальным убежищем для марсианских преступников – в том числе и для похитителей детей. Такое объяснение, разумеется, могло пролить свет и на те анахронизмы, которые то и дело попадались в слоях мелового периода.

Правда, присутствие Макси и Скипа в веке динозавров можно было объяснить и иначе: они могли быть земными детьми 2156 года и попасть сюда с помощью машины времени – так же, как попал сюда он. Или, если уж на то пошло, их могли похитить и перебросить в прошлое современные бандиты. Но тогда зачем им было врать?

– Скажи мне, Марси, – начал Карпендер, – ты веришь, что я пришел из будущего?

– О конечно, мистер Карпендер. И Скип тоже, я уверена. В это немного... немного трудно поверить, но я знаю, что такой симпатичный человек, как вы, не станет говорить неправду, да еще такую неправду.

– Спасибо, – отозвался Карпендер. – А я верю, что вы – из Большого Марса, который, по-видимому, не что иное, как самая большая и могучая страна вашей планеты. Расскажи мне о вашей цивилизации.

– Это замечательная цивилизация, мистер Карпендер. Мы с каждым днем движемся вперед все быстрее и быстрее, а теперь, когда нам удалось преодолеть фактор нестабильности, наш прогресс еще ускорится.

– Фактор нестабильности?

– Да, человеческие эмоции. Много веков они мешали нам, но теперь этому положен конец. Теперь, как только мальчику исполняется тринадцать лет, а девочке пятнадцать, их десентиментализируют. И после этого они приобретают способность хладнокровно принимать разумные решения, руководствуясь исключительно строгой логикой. Это позволяет им действовать с наибольшей возможной эффективностью. В подготовительной школе Института мы со Скипом проходим так называемый додесентиментализационный курс. Еще четыре года, и нам начнут давать специальный препарат для десентиментализации. А потом...

* * *

– Скр-р-р-и-и-и-и-и!..

Со страшным скрежетом один из птеранодонов прочертил наискосок по поверхности защитного поля. Его отбросило в сторону, и прежде чем он вновь обрел равновесие и взвился в небо, Карпентер увидел в кабине человека. Он успел разглядеть лишь неподвижное, ничего не выражавшее лицо, но по его положению догадался, что пилот управляет самолетом, распластавшись между четырехметровыми крыльями.

Марси вся дрожала.

– Мне кажется... мне кажется, они решили нас убить, мистер Карпентер, – слабым голосом сказала она. – Они грозились это сделать, если мы попытаемся сбежать. А теперь они уже записали на пленку наши голоса с просьбой о выкупе и, наверное, сообразили, что мы им больше не нужны.

Карпентер потянулся назад и погладил ее руку, лежавшую у него на плече.

– Ничего, крошка. Ты под защитой старины Сэма, так что бояться нечего.

– А он... его, правда, так зовут?

– Точно. Достопочтенный Сэм Трицератопс. Познакомься, Сэм, – это Марси. Присматривай хорошенько за ней и за ее братом, слышишь?

Он обернулся и поглядел в широко раскрытые голубые глаза девочки.

– Говорит, будет присматривать. Готов спорить, что на Марсе ничего подобного не изобрели. Верно?

Она покачала головой – на Марсе это, по-видимому, был такой же обычный знак отрицания, как и на Земле, – и ему на мгновение показалось, что на губах у нее вот-вот появится робкая улыбка. Но ничего не произошло. Еще бы немного...

– Действительно, у нас такого нет, мистер Карпентер.

Он покосился сквозь колпак на кружащихся птеранодонов (он все еще про себя называл их птеранодонами, хотя теперь уже знал, что это такое).

– А где их межпланетный корабль, Марса? Где-нибудь поблизости?

Она ткнула пальцем влево.

– Вон там. Перейти реку, а потом болото. Мы со Скипом сбежали сегодня утром, когда Фритад заснул – он дежурил у люка. Они ужасные сони, всегда спят, когда подходит их очередь дежурить. Рано или поздно Космическая полиция Большого Марса разыщет корабль, и мы думали, что до тех пор сможем прятаться. Мы пробрались через болото и переплыли реку на бревне. Это было... это было просто ужасно – там такие большие змеи с ногами, они за нами гнались, и...

Он почувствовал плечом, что она снова вся дрожит.

– Ну вот что, крошка, – сказал он. – Лезь-ка назад в кабину и приготовь что-нибудь поесть себе и Скипу. Не знаю, чем вы привыкли питаться, но вряд ли это что-нибудь совсем непохожее

на то, что есть у нас в запасе. В шкафу ты увидишь такие квадратные запаянные банки – в них бутерброды. Наверху, в холодильнике, высокие бутылки, на них нарисован круг из маленьких звездочек – там лимонад. Открывай и то, и другое и принимайся за дело. Кстати, раз уж ты этим займешься, сделай что-нибудь и мне – я тоже проголодался.

И снова улыбка чуть-чуть не показалась у нее на губах.

– Хорошо, мистер Карпентер. Я вам сейчас такое приготовлю!

Оставшись один в кабине, Карпентер оглядел расстилавшийся вокруг мезозойский пейзаж через переднее, боковые и хвостовое смотровые окна. Слева, на горизонте, возвышалась гряда молодых гор. Справа, вдали, тянулась цепочка утесов. В хвостовом смотровом окне были видны разбросанные по равнине рощицы ив, веерных пальм и карликовых магнолий, за которыми начинались поросшие лесом холмы – где-то там находилась его точка входа. Далеко впереди с чисто мезозойским спокойствием курились вулканы.

79.061.889 лет спустя это место станет частью штата Монтана. 79.062.156 лет спустя палеонтологическая экспедиция, которая будет вести раскопки где-то в этих местах, к тому времени изменившихся до неузнаваемости, наткнется на ископаемые останки современного человека, умершего 79.062.156 лет назад.

Может быть, это будут его собственные останки?

Карпентер усмехнулся и взглянул в небо, где все еще кружили птеранодоны. Посмотрим – может случиться и так, что это будут останки марсианина.

Он развернул трицератанк и повел его обратно.

– Поехали, Сэм, – сказал он. – Поищем-ка здесь укромное местечко, где можно отсидеться до утра. А к тому времени я, быть может, соображу, что делать дальше. Вот уж не думал, что нам с тобой когда-нибудь придется заниматься спасением детишек!

Сэм басовито заурчал и двинулся в сторону лесистых холмов.

* * *

Когда отправляешься в прошлое, чтобы расследовать какой-нибудь анахронизм, всегда рискуешь сам оказаться его автором. Взять хотя бы классический пример с профессором Арчибальдом Куигли. Правда это или нет – никто толком не знал; но так или иначе эта история как нельзя лучше продемонстрировала парадоксальность путешествия во времени.

А история гласила, что профессора Куигли, великого почитателя Колриджа, много лет мучило любопытство – кто был таинственный незнакомец, появившийся в 1797 году на ферме Недер Стоуи в английском графстве Сомерсетшир и помешавший Колриджу записать до конца поэму, которую он только что сочинил во сне. Гость просидел целый час, и потом Колридж так и не смог припомнить остальную часть поэмы. В результате «Кубла Хан» остался незаконченным.

Со временем любопытство, мучившее профессора Куигли, стало невыносимым, он больше не мог оставаться в неизвестности и обратился в Бюро путешествий во времени с просьбой разрешить ему отправиться в то время и в то место, чтобы все выяснить.

Просьбу его удовлетворили, и он без колебаний выложил половину своих сбережений в уплату за путешествие в то утро. Очутившись поблизости от фермы, он притаился в кустах и начал наблюдать за входной дверью. Никто не шел; наконец он, сгорая от нетерпения, сам подошел к двери и постучался. Колридж открыл дверь и пригласил профессора войти, но брошенного им злобного взгляда профессор не мог забыть до конца своих дней.

Припомнив эту историю, Карпентер усмехнулся. Впрочем, особенно смеяться по этому

поводу не приходилось: то, что произошло с профессором Куигли, вполне могло случиться и с ним. Нравилось ему это или нет, но было совершенно не исключено, что ископаемые останки, чьим происхождением он занялся по поручению Североамериканского палеонтологического общества (САПО) и с этой целью отправился в мезозойскую эру, окажутся его собственными.

Но он отогнал от себя эту мысль. Во-первых, как только придется туго, ему нужно будет всего лишь связаться со своими помощниками – мисс Сэндз и Питером Детрайтесом, и они тут же явятся к нему на помощь на терапode Эдит или на каком-нибудь другом ящереходе из арсенала САПО. А во-вторых, ему уже известно, что в меловом периоде орудуют пришельцы. Значит, он не единственный, кому грозит опасность превратиться в те самые останки.

И в любом случае ломать голову над всем этим бессмысленно: ведь то, чему суждено было случиться, случилось, и тут уж ничего не поделаешь...

Скип выбрался из каюты и перегнулся через спинку водительского сиденья.

– Марси просила передать вам бутерброд и бутылку лимонада, мистер Карпентер, – сказал он, протягивая то и другое. – Можно мне посидеть с вами, сэр?

– Конечно, – ответил Карпентер и подвинулся.

Мальчик перелез через спинку и соскользнул на сиденье. И тут же сзади просунулась еще одна голова цвета лютика.

– Простите, пожалуйста, мистер Карпентер, а нельзя ли...

– Подвинься, Скип, посадим ее в середину.

Голова Сэма была шириной в добрых полтора метра, и в кабине водителя места хватало. Но само сиденье было меньше метра шириной, и двум подросткам уместиться в нем рядом с Карпентером было не так уж просто, особенно если учесть, что все трое в этот момент уплетали бутерброды и запивали их лимонадом. Карпентер чувствовал себя добрым отцом семейства, отправившимся со своими отпрысками в зоопарк.

И в какой зоопарк! Они уже углубились в лес, и вокруг поднимались дубы и лавры мелового периода; среди них в изобилии попадались ивы, сосны и гинкго, а время от времени – нелепые на вид заросли веерных пальм. В густых кустах они заметили огромное неуклюжее существо, похожее спереди на лошадь, а сзади на кенгуру. Карпентер определил, что это анатозавр. На поляне они повстречали и до полусмерти перепугали струтиомимуса, чем-то напоминавшего страуса. Анкилозавр с утыканной шипами спиной сердито уставился на них из камышей, но благоразумно решил не становиться Сэму поперек дороги. Взглянув вверх, Карпентер впервые увидел на вершине дерева археоптерикса. А подняв глаза еще выше, он заметил кружащихся в небе птеранодонов.

Он надеялся, что под покровом леса сможет от них скрыться, и с этой целью вел Сэма зигзагами. Однако они, очевидно, были оснащены детекторами массы – следовало придумать что-нибудь похитрее. Можно было попытаться сбить их заградительным огнем парализующих зарядов из рогопушки, но надежда на успех была невелика, да и вообще он тут же отказался от этой идеи. Конечно, похитители вполне заслуживают смерти, но не ему их судить. Он расправится с ними, если другого выхода не будет, но не станет это делать до тех пор, пока не разыграет все свои козырные карты.

Он повернулся к детям и увидел, что они потеряли всякий интерес к еде и с опаской поглядывают вверх. Перехватив их взгляды, он подмигнул.

– Мне кажется, самое время от них улизнуть, как вы полагаете?

– Но как, мистер Карпентер? – спросил Скип. – Они запеленговали нас своими детекторами. Счастье еще, что это простые марсиане и у них нет самого главного марсианского оружия. Правда, у них есть распылители – это тоже что-то вроде радугометов, но, если бы у них были настоящие радугометы, нам бы всем несдобровать.

– Отделаться от них ничего не стоит – мы можем просто перескочить немного назад во времени. Так что кончайте со своими бутербродами и не бойтесь.

Опасения детей рассеялись, и они оживились.

– Давайте перескочим назад на шесть дней, – предложила Марси. – Тогда они нас ни за что не найдут, потому что в то время нас еще здесь не было.

– Ничего не выйдет, крошка, – Сэм не потянет. Прыжки во времени требуют ужасно много энергии. Чтобы такая комбинированная машина времени, как Сэм, могла далеко прыгнуть, нужно к ее мощности добавить мощность стационарной машины. Она перебрасывает ящероход в нужную точку входа, водитель отправляется из этой точки и делает свое дело. А чтобы вернуться обратно, в свое время, у него есть только один способ: снова явиться в точку входа, связаться со стационарной машиной и к ней подключиться. Можно еще послать сигнал бедствия, чтобы кто-нибудь прибыл за ним на другом ящероходе. Собственной мощности Сэму хватит только на то, чтобы перескочить на четыре дня туда и обратно, но и от этого у него двигатель сгорит. А уж тогда никакая стационарная машина времени его не вытащит. Я думаю, нам лучше ограничиться одним часом.

* * *

Парадоксально, но факт: чем короче временной промежуток, с которым имеешь дело, тем больше приходится производить расчетов. С помощью управляющего перстня на своем указательном пальце Карпендер отдал Саму приказ продолжать движение зигзагами, а сам взялся за блокнот и карандаш. Через некоторое время он начал задавать арифметические головоломки компактному вычислителю, встроенному в панель управления. Марси, наклонившись вперед, внимательно следила за его работой.

– Если это ускорит дело, мистер Карпендер, – сказала она, – кое-какие действия попроще, вроде тех, что вы записываете, я могу производить в уме. Например, если 828.464.280 умножить на 4.692.438.921, то в итоге получим 3.887.518.032.130.241.880.

– Очень может быть, крошка, но я все-таки на всякий случай проверю, ладно?

Он ввел цифры в вычислитель и нажал кнопку умножения. В окошечке загорелись цифры: 3.887.518.032.130.241.880. Карпендер чуть не выронил карандаш.

– Она же у нас гений по части математики, – пояснил Слип. – А я по части техники. Потому-то нас и похитили. Наше правительство очень высоко ценит гениев. Оно не пожалеет денег, чтобы нас выкупить.

– Правительство? Я думал, что похитители требуют выкуп с родителей, а не с правительства.

– Нет, наши родители больше не несут за нас никакой ответственности, – объяснила Марси. – По правде говоря, они, наверное, про нас давно забыли. После шести лет дети переходят в собственность государства. Видите ли, сейчас все марсианские родители десентиментализированы и ничуть не возражают против того, чтобы избавиться от... ну в общем отдать своих детей государству.

Карпендер некоторое время смотрел на два серьезных детских лица.

– Вот оно что, – протянул он. – Ясно.

С помощью Марси он закончил расчеты и ввел окончательные цифры в передний нервный центр Сэма.

– Ну, поехали, ребяташки! – сказал он и включил рубильник временного скачка. На какое-то мгновение у них перед глазами что-то замерцало, и ящероход чуть трянуло. Впрочем, он

даже не замедлил своего неторопливого движения – так гладко прошел скачок.

Карпентер перевел часы с 16:16 на 15:16.

– Ну-ка, ребята, взгляните наверх – есть там птеранодоны?

Они долго всматривались сквозь листву в небо.

– Ни одного, мистер Карпентер, – отозвалась Макси. Глаза ее горели восхищением. – Ни единого!

– Да, утерли вы нос нашим ученым! – восторженно заявил Скип. – Они считают себя очень умными, но им и в голову не приходило, что можно путешествовать во времени... А как далеко можно перескочить в будущее, мистер Карпентер, – я имею в виду, на настоящей машине времени?

– Если хватит энергии – хоть до конца времен, если он есть. Но путешествовать вперед из своего настоящего запрещено законом. Власти предержащие 2156 года считают – людям ни к чему раньше времени знать, что с ними будет. И тут я, в виде исключения, полагаю, что власти предержащие правы.

Он отключил автоматику, перевел Сама на ручное управление и повернул под прямым углом к прежнему курсу. Через некоторое время они выбрались из леса на равнину. Вдали, на фоне дымчато-голубого неба, вырисовывалась белой полоской цепочка утесов, которую он заприметил еще раньше.

– Ну, а что вы скажете насчет ночевки на открытом воздухе? – спросил он.

Глаза у Скипа стали совсем круглые.

– На открытом воздухе, мистер Карпентер?

– Конечно. Разведем костер, приготовим еду, расстелем на земле одеяла – совсем на индейский манер. Может быть, даже отыщем в скалах пещеру. Как, годится?

Теперь глаза округлились у обоих.

– А что такое «на индейский манер», мистер Карпентер? – спросила Марси.

Он рассказал им про индейцев арапахо, чейенов, кроу, апачей, и про буйволов, и про безбрежные прерии, и про последний бой Кестера, и про покорителей Дикого Запада, и про Сидящего Быка – и все время, пока он говорил, они не сводили с него глаз: как будто он ясное солнышко, которого они еще никогда в жизни не видали. Покончив с Диким Западом, он принялся рассказывать о гражданской войне и Аврааме Линкольне, о генерале Гранте и генерале Ли, о геттисбергском обращении, битве на реке Булл-Ран и поражении у Аппоматтокса.

Никогда еще он так много не говорил. Ему и самому это показалось странным: на него нашло что-то такое, отчего он вдруг почувствовал себя веселым и беззаботным, все ему стало нипочем, осталось только одно: вот этот день в меловом периоде, затянувшая горизонт послеполуденная дымка и двое детей с круглыми от удивления глазами, сидящие рядом с ним. Но он не стал долго об этом размышлять, а продолжал рассказывать про Декларацию независимости и американскую революцию, про Джорджа Вашингтона и Томаса Джефферсона, про Бенджамина Франклина и Джона Адамса, и про то, как смело мечтали о светлом будущем отцы-основатели, и насколько лучше было бы, если бы чересчур предприимчивые люди не воспользовались их мечтой в своих корыстных целях, и как настало время, когда эта мечта все-таки более или менее сбылась, сколько бы преступлений ни было совершено ее именем.

Когда он кончил, уже наступил вечер. Прямо впереди упирались в потемневшее небо белые скалы.

У подножья скал они нашли отличную, никем не занятую пещеру, где могли с удобствами устроиться все, включая Сэма, и оставалось еще место для костра. Карпентер загнал ящероход в пещеру и поставил его к задней стенке. Потом он выдвинул защитный экран, охватив им всю

пещеру, нависавший над входом обрыв и полукруглую площадку подножья. Тщательно осмотрев получившийся палисадник и убедившись, что в нем нет рептилий, если не считать нескольких мелких и неопасных ящериц, он послал детей за хворостом. А сам тем временем наладил у входа в пещеру полупрозрачное поле, которое скрывало от взгляда все, что происходит внутри.

К этому времени дети утратили свою прежнюю сдержанность, во всяком случае Скип.

– Можно я разведу костер? – кричал он, прыгая на месте. – Можно, мистер Карпентер? Можно?

– Скип! – укоризненно сказала Марси.

– Ничего, крошка, – успокоил ее Карпентер, – это можно. И ты тоже можешь помочь, если хочешь.

Маленький огонек вскоре разросся в большое пламя, окрасив стены пещеры сначала в багровый, а потом в ярко-красный цвет.

Карпентер откупорил три банки сосисок и три пакета булочек и показал своим подопечным, как нанизывают сосиски на заостренный прутик и жарят их на костре. Потом он продемонстрировал, как нужно класть поджаренную сосиску на булочку и приправлять ее горчицей, маринадом и нарезанным луком. Можно было подумать, что он настезь распахнул перед этими детьми волшебное окно в страну чудес, которая раньше им и не снилась. От их былой серьезности не осталось и следа, и в следующие полчаса они соорудили и истребили по шесть бутербродов на каждого. Скип так разбушевался, что чуть не свалился в костер, а на губах Марси расцвела, наконец, та самая улыбка, которая пробивалась весь день, и такой ослепительной оказалась она, что пламя костра по сравнению с ней поблекло.

Потом Карпентер приготовил какао в кухонном отсеке Сэма, и теперь для завершения пиршества не хватало только жареных каштанов. Он подумал: а что, если его деловая помощница уложила и этот деликатес в хвостовой отсек Сэма среди прочих запасов? Маловероятно, но он все же решил посмотреть – и, к своей великой радости, обнаружил целую коробку.

Он снова устроил небольшое представление, за которым дети следили, разинув рты. Когда первые каштаны подрумянились до золотисто-коричневого цвета, у Скипа глаза чуть не выскочили из орбит. А Марси просто стояла и глядела на Карпентера так, словно он только что сказал: «Да будет свет!», и наступил первый в мире день.

Смеясь, он вынул каштаны из огня и роздал детям.

– Скип! – возмущенно сказала Марси, когда тот засунул всю свою порцию в рот и проглотил единым махом. – Как ты себя ведешь?

Сама она ела со всем изяществом, какое предписывают правила хорошего тона.

Когда с каштанами было покончено, Карпентер вышел из пещеры и принес три больших охапки лавровых и кизиловых веток для подстилки. Он показал детям, как разостлать их на полу пещеры и как покрыть их одеялами, которые он достал из хвостового отсека Сама. Скипу дальнейших приглашений не потребовалось: после бурной деятельности и сытного ужина он свалился на одеяло, едва успев его расстелить. Карпентер достал еще три одеяла, накрыл одним из них Скипа и повернулся к Марси.

– Ты тоже выглядишь усталой, крошка.

– Нет, ничуть, мистер Карпентер. Ни капельки. Я же на два года старше Скипа. Он еще маленький.

Оставшиеся два одеяла он свернул в некое подобие подушек и пристроил их у огня. На одно уселся сам, на другое села Марси.

Весь вечер из-за защитного экрана то и дело доносились рев, рык и ворчание; теперь их сменили жуткие звуки – казалось, рядом гроыхает гигантская асфальтодробилка. Пол пещеры дрогнул, и на стенах отчаянно заплясали отсветы костра.

– Похоже, что это тиранозавр, – сказал Карпентер. – Наверное, проголодался и решил закусить парочкой струтиомимусов.

– Тиранозавр, мистер Карпентер?

Он описал ей этого хищного ящера. Она кивнула и поежилась.

– Ну да, – сказала она. – Мы со Скипом одного такого видели. Это было после того, как мы переплыли реку. Мы... мы притаились в кустах, пока он не прошел мимо. Какие у вас, на Земле, есть ужасные создания, мистер Карпентер!

– В наше время их уже нет, – ответил Карпентер. – Теперь у нас совсем другие создания – от одного их вида тиранозавр пустился бы наутек, как перепуганный кролик. Впрочем, особенно жаловаться не приходится. Правда, наше техническое распутство обошлось нам не дешево, зато благодаря ему мы получили и кое-что полезное. Путешествия во времени, например. Или межпланетные полеты.

В этот момент асфальтодробилке, по-видимому, попался особенно-неподатливый кусок асфальта, и к тому же, судя по невыносимым звукам, которыми она разразилась, внутри у нее что-то сломалось. Девочка придвинулась к Карпентеру.

– Не бойся, крошка. Здесь опасаться некого – через наше защитное поле не пробьется даже целая армия ящеров.

– А почему вы зовете меня крошкой, мистер Карпентер? У нас так называется сухой и жесткий маленький кусочек хлеба.

Он рассмеялся. Звуки, доносившиеся из-за защитного поля, стали слабее и утихли вдали – видимо, ящер направился в другую сторону.

– На Земле это тоже называется крошкой, но ничего обидного тут нет. Дело не в этом. Крошками у нас называют еще девушек, которые нам нравятся.

Наступило молчание. Потом Марси спросила:

– А у вас есть девушка, мистер Карпентер?

– Да в общем-то нет. Я бы так сказал: есть одна, но ее я, образно выражаясь, боготворю издали.

– Не похоже, чтобы вам от этого было много радости. А кто она такая?

– Моя главная помощница в Североамериканском палеонтологическом обществе, где я работаю, мисс Сэндз. Ее зовут Элейн, но я никогда не называю ее по имени. Она присматривает за тем, чтобы я ничего не забыл, когда отправляюсь в прошлое, и устанавливает перед стартом время и место по времяскопу. А потом она и еще один мой помощник, Питер Детрайтес, дежурят, готовые прийти мне на помощь, если я перешлю им банку консервированной зайчатины. Понимаешь, это наш сигнал бедствия. Банка как раз такого размера, что ее может перебросить во времени палеонтоход. А заяц в нашем языке ассоциируется со страхом.

– А почему вы боготворите ее издали, мистер Карпентер?

– Видишь ли, – задумчиво ответил Карпентер, – мисс Сэндз – это тебе не простая девушка, она не такая, как все. Она холодна, равнодушна – как богиня, понимаешь? Впрочем, вряд ли ты можешь это понять. В общем с такой богиней просто нельзя себя вести так же, как с обыкновенными девушками. С ней надо знать свое место – боготворить ее издали и смиренно ждать, когда ей вздумается над тобой смилостивиться. Я... я до того ее боготворю, что при ней совсем робею и теряю дар речи. Может быть, потом, когда я познакомлюсь с ней поближе, дело

пойдет иначе. Пока что я знаком с ней три месяца.

* * *

Он умолк. Сережки-говорешки в ушах Марси блеснули в свете костра – она повернула голову и ласково взглянула на него.

– В чем дело, мистер Карпентер? Заснули?

– Просто задумался. Если уж на то пошло, три месяца – не так уж мало. За это время вполне можно понять, полюбит когда-нибудь тебя девушка или нет. Мисс Сэндз никогда меня не полюбит – теперь я точно знаю. Она даже не взглянет на меня лишний раз без особой надобности, двух слов со мной не скажет, разве что это позарез нужно. Так что если даже я решу, что хватит боготворить ее издали, соберусь с духом и признаюсь ей в любви, она, вероятно, только рассердится и прогонит меня прочь.

– Ну, не совсем же она сумасшедшая, мистер Карпентер! – возмутилась Марси. – Не может этого быть. Как ей не стыдно?

– Нет, Марси, ты ничего не понимаешь. Разве может такой красавице понравиться никому не нужный бродяга вроде меня?

– Ничего себе бродяга, и к тому же никому не нужный! Знаете, мистер Карпентер, по моему, вы просто не разбираетесь в женщинах. Да если вы скажете ей, что ее любите, она бросится вам на шею вот увидите!

– Ты романтик, Марси. В настоящей жизни так не бывает.

Он встал.

– Ну ладно, мадемуазель, не знаю, как вы, а я устал. Кончим на этом?

– Если хотите, мистер Карпентер.

Она уже спала, когда он нагнулся, чтобы укрыть ее одеялом. Некоторое время он стоял, глядя на нее.

Она повернулась набок, и отсвет костра упал на коротко подстриженные ярко-желтые волосы у нее на шее, окрасив их в золотисто-красный цвет. Ему вспомнились весенние луга, усеянные лютиками, и теплое чистое солнце, возвещающее о том, что наступило росистое утро...

Взглянув, хорошо ли устроен Скип, он подошел к выходу из пещеры и выглянул наружу. Как только тиранозавр удалился, из своих укрытий показались попрятавшиеся было существа помельче. Карпентер разглядел причудливые контуры нескольких орнитоподов; у рощицы веерных пальм он заметил неподвижно стоящего анкилозавра; он слышал, как по обе стороны защитного поля шныряют ящерики. С доисторических небес светила луна, чем-то чуть-чуть непохожая на ту луну, к которой он привык. Разница была в числе метеоритных кратеров: 79.062.156 лет спустя их станет куда больше.

Вскоре он обнаружил, что хотя все еще смотрит на луну, но больше ее не видит. Вместо этого у него перед глазами стоял костер, а у костра – девочка и мальчик, которые с увлечением жарят каштаны. «И почему это я не женился и не завел себе детей? – вдруг подумал он. – Почему пренебрег всеми хорошенькими девушками, которые мне встречались, и все только ради того, чтобы в тридцать два года безнадежно влюбиться в красавицу-богиню, которой совершенно безразлично, существую я на свете или нет? Откуда это я взял, что острые ощущения, которые получаешь от всяких приключений, лучше спокойного довольства жизнью, когда ты кого-то любишь и кто-то любит тебя? Почему решил, что наводить порядок в исторических и доисторических временах важнее, чем навести порядок в собственной жизни?»

Почему думал, что одинокая меблированная комната – это и есть крепость, достойная настоящего мужчины, а выпивки в полутемных барах с развеселыми девицами, которых наутро уже не помнишь, – это и есть подлинная свобода? И какой это я могу найти в прошлом клад, чтобы он мог сравниться с сокровищами, от которых я отказался в будущем?..»

Стало прохладно. Перед тем как улечься, он подбросил хвороста в огонь. Он долго лежал, слушая, как трещит пламя, и глядя, как играют отблески на стенах пещеры. Из доисторической тьмы на него золотыми глазками посматривала ящерка. Вдали послышался вопль орнитопода. А рядом с ним, окруженные глубокой мезозойской ночью, ровно дышали на своих постелях из веток двое детей.

В конце концов он уснул.

На следующее утро Карпентер, не теряя времени даром, собрался в путь. Марси и Скип были готовы на все, лишь бы остаться в пещере подольше, но он объяснил им, что если они будут сидеть на месте, похитители в два счета их обнаружат, и поэтому лучше нигде надолго не останавливаться. До сих пор дети прекрасно понимали все, что он говорил, так же как он понимал все, что говорили они; но на этот раз что-то не ладилось – он никак не мог добиться, чтобы до них это дошло. Очень может быть, что они попросту не хотели покидать пещеру. Так или иначе, им пришлось это сделать – после того, как в крохотной туалетной комнатке Сэма были совершены утренние омовения, а в кухонном отсеке был приготовлен плотный завтрак из яичницы с беконом. Но для того, чтобы они послушались, Карпентеру пришлось дать им понять, что командует здесь он, а не кто другой.

Никакого определенного плана действий у него пока не было. Размышляя, что делать дальше, он предоставил трицератанку самостоятельно выбирать себе дорогу по равнине – сверхчувствительной навигационной аппаратуре ящерахода это было нипочем.

В общем-то у Карпентера были только две возможности. Во-первых, он мог и дальше опекать детей и прятаться вместе с ними от похитителей, пока тем не надоест за ними гоняться или пока не подоспеет подмога в лице Космической полиции Большого Марса. Во-вторых, он мог вернуться в точку входа и дать сигнал мисс Сэндз и Питеру Детрайтесу, чтобы те перебросили трицератанк обратно, в настоящее время. Второй путь был несравненно безопаснее. Он так бы и сделал без всяких колебаний, если бы не два обстоятельства. Первое: хотя Марси и Скип, несомненно, могут приспособиться к цивилизации, столь похожей на их собственную, как цивилизация Земли двадцать второго века, они вряд ли будут чувствовать себя в этих условиях как дома. И второе. Рано или поздно они осознают ужасную истину: их собственная цивилизация, оставшаяся в далеком прошлом, за 79.062.156 лет бесследно исчезла, и из технологических мечтаний, которые они привыкли чтить как святыню, ровно ничего не вышло...

Был, правда, еще и третий путь – взять детей с собой в настоящее время на Землю, переждать там, пока похитители не прекратят поиски и не улетят или же пока не появится Космическая полиция, а потом вернуть их обратно в прошлое Земли. Но для этого понадобилось бы совершить не один рейс в меловой период и обратно, а такие рейсы стоят сумасшедших денег, и Карпентер заранее знал, что даже один рейс, не имеющий отношения к палеонтологии, будет САПО не по карману, не говоря уже о нескольких.

Погруженный в размышления, он вдруг почувствовал, что кто-то тянет его за рукав. Это был Скип – он вошел в кабину и забрался на сиденье.

– А мне можно им подправлять, мистер Карпентер? Можно?

Карпентер оглядел равнину через переднее, боковые и хвостовое смотровые окна, потом заставил Сэма задрать голову и сквозь колпак кабины внимательно осмотрел небо. Высоко над скалистой грядой, где они были меньше часа назад, кружила черная точка. И пока он смотрел, рядом с ней появились еще две.

– Немного погодя, Скип. Сейчас, по моему, мы тут не одни.

Скип тоже заметил в небе черные точки.

– Снова птеранодоны, мистер Карпентер?

– Боюсь, что да.

Точки, быстро увеличиваясь, превратились в крылатые силуэты с узкими, остроконечными головами. В кабину вошла Марси и тоже внимательно посмотрела на небо. На этот раз ни она,

ни Скип не проявили ни малейших признаков испуга.

– Мы снова прыгнем назад, в прошлое, мистер Карпентер? – сбросила Марси.

– Посмотрим, крошка, – ответил он.

Теперь птеранодоны были хорошо видны. Не было сомнения, что их интересует именно Сэм. Другое дело – решатся ли они снова на него напасть. Несмотря на то что трицератанк был укрыт защитным полем, Карпентер все же решил на всякий случай направиться к ближайшей роще. Это была пальметтовая заросль примерно в километре от них. Он прибавил скорость и взялся за ручки управления.

– Вперед, Сэм! – сказал он, чтобы ободрить детей. – Покажем Марси и Скипу, на что ты способен!

Сэм сорвался с места словно старинный паровоз двадцатого века. Его упругие стальные ноги ритмично двигались, копыта из твердого сплава отбивали такт, с громом ударяясь о землю. Однако в скорости Сэму было не сравниться с птеранодонами, и они легко его настигли. Передний круто спикировал в сотне метров впереди, сбросил что-то вроде большого металлического яйца и взмыл ввысь.

Металлическое яйцо оказалось не чем иным, как бомбой. Взрыв оставил такую огромную воронку, что Карпентер еле сумел ее объехать, не опрокинув ящероход. Он тут же прибавил оборотов и перешел на вторую скорость.

– Ну, этим они нас не возьмут, верно, старина? – сказал он.

– Рrrrrrr! – заурчал в ответ Сэм.

Карпентер взглянул на небо. Теперь все птеранодоны кружились прямо у них над головой. Один, два, три – сосчитал он. Три? Вчера их было только два!

– Марси! – возбужденно сказал он. – Сколько всего, вы говорили, там похитителей?

– Трое, мистер Карпентер. Роул, Фритад и Холмер.

– Тогда они все тут. Значит, корабль никем не охраняется. Если только на нем нет экипажа.

– Нет, мистер Карпентер, экипажа нет. Они сами его вели.

Он оторвал взгляд от кружащихся вверху птеранодонов.

– А как вы думаете, ребята, смогли бы вы проникнуть внутрь?

– Запросто, – ответил Скип. – Это списанный военный авианосец со стандартными шлюзовыми камерами – всякому, кто хоть немного разбирается в технике, ничего не стоит открыть их. Поэтому мы с Марси и смогли тогда удрать. Будьте уверены, мистер Карпентер, я это сделаю.

– Хорошо, – сказал Карпентер. – Мы встретим их там, когда они вернутся.

* * *

С помощью Марси рассчитать координаты для скачка во времени было проще простого. Уже через несколько секунд Сэм был готов.

Когда они оказались в пальметтовой рощице, Карпентер включил рубильник. Снова что-то замерцало у них перед глазами. Сэма слегка тряхнуло, и дневной свет превратился в предрассветную тьму. Где-то позади, в пещере у подножья скал, стоял еще один трицератанк, а на подстилке из веток крепко спали еще один Карпентер, еще один Скип и еще одна Марси.

– А далеко назад мы сейчас перепрыгнули, мистер Карпентер? – поинтересовался Скип.

Карпентер включил фары и принялся выводить Сэма из рощицы.

– На четыре часа. Теперь у нас должно хватить времени, чтобы добраться до корабля и устроиться там до возвращения наших приятелей. Может быть, мы попадем туда еще до того,

как они отправятся на поиски, если только они не разыскивают нас круглые сутки.

– А что если они найдут нас и в этом времени? – возразила Марси. – Ведь тогда мы снова попадем в такой же переплет?

– Не исключено, крошка. Но все шансы за то, что они нас не нашли. Иначе они бы не стали искать нас потом, верно?

Она с восхищением посмотрела на него.

– Знаете что, мистер Карпентер? Вы ужасно умный.

В устах девочки, которая могла в уме умножить 4.692.438.921 на 828.464.280, этот комплимент кое-чего стоил. Однако Карпентер и виду не показал, что он польщен.

– Надеюсь, ребята, что вы теперь найдете корабль? – сказал он.

– Мы уже на правильном курсе, – ответил Скип. – Я знаю, у меня врожденное чувство направления. Он замаскирован под большое дерево.

Взошло солнце – уже во второй раз в это утро. Как и вчера, размеры и внешний вид Сэма нагоняли страх на разнообразных животных мелового периода, попадавших им навстречу. Правда, если бы им повстречался тиранозавр, еще не известно, кто на кого нагнал бы страху. Но тиранозавра они не встретили. К восьми часам они уже были в тех местах, куда накануне попал Карпентер, покинув лесистые холмы.

– Смотрите! – вдруг воскликнула Марси. – Вот дерево, на которое мы залезли, когда удирали от того горбатого чудовища!

– Точно, – отозвался Скип. – Ну и струхнули же мы!

Карпентер усмехнулся.

– Оно, наверное, приняло вас за какое-нибудь новое растение, которого еще ни разу не пробовало. Хорошо, что я вовремя подвернулся, а то оно, пожалуй, расстроило бы себе желудок.

Сначала они уставились на него непонимающими глазами, и он подумал: слишком велика пропасть между двумя языками и двумя мирами, чтобы ее могла преодолеть эта немудреная шутка... Но он ошибся. Сначала расхохоталась Марси, а за ней и Скип.

– Ну, вы даете, мистер Карпентер! – заливалась Макси.

А Сэм тем временем двигался дальше. Местность становилась все более открытой – из крупных растений здесь попадались в основном лишь пальметтовые рощицы и кучки веерных пальм. Далеко справа над горизонтом, и без того затянутым дымкой, курились вулканы. Впереди виднелись горы, вершины которых прятались в мезозойском смоге. Воздух был такой влажный, что на колпаке кабины все время оседали капли воды и скатывались вниз, как в дождь. Вокруг кишели черепахи, ящерицы и змеи, а один раз над головами быстро пролетел настоящий птеранодон.

Наконец они добрались до реки, про которую рассказывала Марси и приближение которой уже давно предвещала все более сырая, топкая почва. Ниже по течению Карпентер впервые в жизни увидел бронтозавра.

Он показал на него детям, и они вытаращили глаза от изумления. Бронтозавр лежал посередине медленно текущей реки. Над водой виднелись только его крохотная голова, длинная шея и часть спины. Шея напоминала стройную, гибкую башню – всю картину портило только то, что она то и дело ныряла в папоротники и камыши, окаймлявшие берег. Несчастное животное было до того велико, что ему, чтобы не умереть с голоду, приходилось кормиться буквально день и ночь напролет.

Карпентер отыскал брод и повел Сэма через реку к противоположному берегу. Здесь земля казалась потверже, но это впечатление было обманчиво: навигационные приборы Сэма показывали, что трясины попадают здесь еще чаще. («Боже правый, – подумал Карпентер. – Что если бы ребята забрели в такую трясины?») Вокруг в изобилии росли папоротники, под

ногами расстился толстый ковер из низкорослого лавра и осоки. Пальметт и веерных пальм по-прежнему было больше всего, но время от времени стали попадаться гинкго. Одно из них, настоящий гигант, возвышалось больше чем на полсотни метров над землей.

Карпендер в недоумении разглядывал это дерево. В меловой период гинкго росли обычно на высоких местах, а не в низинах. К тому же дереву таких размеров вообще нечего было делать в меловом периоде.

У гинкго-гиганта были и другие странности. Прежде всего у него был слишком толстый ствол. Кроме того, нижняя часть его, примерно до шестиметровой высоты, была разделена на три самостоятельных ствола – они образовывали нечто вроде треножника, на котором покоилось дерево.

И тут Карпендер увидел, что оба его подопечных взволнованно показывают пальцами на то дерево, которое он разглядывал.

– Оно самое! – вскричал Скип. – Это и есть корабль!

– Вот оно что! Не удивительно, что я обратил на него внимание, – сказал Карпендер. – Ну, не ахти как хорошо они его замаскировали. Я даже вижу гнездо для крепления самолета.

– А они не очень старались, чтобы его не было видно с земли, – объяснила Марси. – Главное – как он выглядит сверху. Конечно, если Космическая полиция подоспеет вовремя, она рано или поздно обнаружит его своими детекторами, но по крайней мере на некоторое время такой маскировки хватит.

– Ты как будто не считаешь на то, что полиция подоспеет вовремя.

– Да нет, конечно. Со временем-то они сюда доберутся, но на это понадобится не одна неделя, а может быть, и не один месяц. Их радарной разведке нужно порядочно времени, чтобы выследить путь корабля, к тому же они почти наверняка еще даже не знают, что нас похитили. До сих пор в таких случаях, когда похищали детей из Института, правительство сначала платило выкуп, а уж потом сообщало в Космическую полицию. Конечно, даже после того, как уплачен выкуп и дети возвращены, Космическая полиция все равно приступает к поискам похитителей и рано или поздно находит, где они прятались, но к тому времени их обычно и след простыл.

– Ну что ж, – сказал Карпендер, – я думаю, давно пора кому-нибудь первому их поймать. Как, по-вашему?

* * *

Спрятав Сэма в ближайшей пальметтовой рощице и выключив защитное поле, Карпендер залез под сиденье водителя и вытащил оттуда единственное портативное оружие, которым был снабжен трицератанк, – легкую, но с сильным боем винтовку, которая стреляла парализующими зарядами. Такую винтовку САПО сконструировало специально для своих служащих, чья работа была связана с путешествиями во времени. Перекинув ремень через плечо, Карпендер откинул колпак, вылез на морду Сэма и помог детям спуститься на землю. Все трое подошли к кораблю.

Скип вскарабкался на посадочную стойку, взобрался немного выше по стволу, и через какие-нибудь несколько секунд шлюзовая камера открылась. Скип спустил вниз алюминиевую лестницу.

– Все готово, мистер Карпендер.

Марси оглянулась через плечо на пальметтовую рощицу.

– А Сэм – с ним ничего не случится, как вы думаете?

– Конечно, ничего, крошка, – успокоил ее Карпендер. – Ну, полезай.

Кондиционированный воздух внутри корабля имел примерно такую же температуру, как и в кабине Сэма; освещение было холодным и тусклым.

За внутренним люком шлюзовой камеры короткий коридор вел к стальной винтовой лестнице, которая шла вверх, к жилым палубам, и вниз, в машинное отделение. Карпентер взглянул на часы, которые раньше отвел на четыре часа назад, – было 8:24. Через несколько минут птеранодоны начнут атаковать Сэма, Карпентера, Марси и Скипа в «предыдущем» времени. Даже если тогда похитители сразу после этого направились к кораблю, времени еще достаточно – во всяком случае, хватит на то, чтобы послать радиogramму, а потом приготовить задуманную ловушку. Правда, радиogramму можно будет послать и тогда, когда Роул, Фритад и Холмер будут крепко заперты в своих каютах, но если что-нибудь сорвется, такая возможность может вообще не представиться, так что лучше сделать это сразу же.

– Ну вот что, ребята, – сказал Карпентер. – Закройте шлюз и ведите меня в радиорубку.

Первую часть приказа они исполнили с большой готовностью, но выполнять вторую почему-то не спешили. В коридоре Марси остановилась. Ее примеру последовал и Скип.

– Зачем вам радиорубка, мистер Карпентер? – спросила Марси.

– Чтобы вы могли сообщить наши координаты Космической полиции и сказать им, чтобы они спешили сюда. Надеюсь вы с этим справитесь?

Скип поглядел на Марси, Марси – на Скипа. Потом оба покачали головой.

– Погодите, – с досадой сказал Карпентер. – Ведь вы прекрасно знаете, как это делается. Почему вы делаете вид, что не умеете?

Скип уставился в пол.

– Мы... мы не хотим домой, мистер Карпентер.

Карпентер взглянул в их серьезные лица.

– Но вы должны вернуться домой! Куда же вы еще денетесь?

Они молчали, пряча от него глаза.

– В общем так, – продолжал он через некоторое время. – Если нам удастся поймать Роула, Фритада и Холмера, все прелестно. Мы продержимся здесь, пока не прибудет Космическая полиция, и сдадим их ей. Но если что-нибудь сорвется и мы их не поймаем, у нас по крайней мере останется еще один козырь – та самая радиogramма, которую вы сейчас пошлете. Теперь дальше. Я примерно представляю себе, сколько времени нужно космическому кораблю, чтобы добраться с Марса на Землю. Но я, конечно, не знаю, за сколько времени это могут сделать ваши корабли. Так что скажите-ка мне, через сколько дней Космическая полиция будет здесь, на Земле, после того как получит вашу радиogramму?

– При нынешнем расположении планет чуть больше чем через четверо суток, – сказала Макси. – Если хотите, мистер Карпентер, я могу рассчитать время в точностью до...

– Не надо, достаточно и этого, крошка. А теперь лезь наверх, и ты тоже, Скип. Нечего терять время!

Дети нехотя повиновались. Радиорубка находилась на второй палубе. Кое-какая аппаратура показалась Карпентеру знакомой но большая часть представляла для него совершенную загадку. За огромным, от пола до потолка, иллюминатором открывался вид на доисторическую равнину. Взглянув вниз сквозь фальшивую листву, Карпентер увидел пальметтовую рожицу, где был спрятан Сэм. Он внимательно оглядел горизонт – не возвращаются ли птеранодоны. Но в небе ничего не было видно. А отвернувшись от иллюминатора, он увидел, что в рубке появился кто-то четвертый. Карпентер сбросил с плеча винтовку и почти успел вскинуть ее, когда металлическая трубка в руке этого четвертого издала резкий скрежещущий звук, и винтовка исчезла.

Не веря своим глазам, Карпентер уставился на собственные руки.

Человек, появившийся в рубке, был высок и мускулист. Одет он был примерно так же, как Макси и Скип, но побогаче. На его узком лице было написано ровно столько же душевных переживаний, сколько на сушеной груше, а металлическая трубка в его руке была направлена Карпентеру точно между глаз. Не требовалось особых объяснений, чтобы понять: сдвинься Карпентер с места хоть на полшага, и с ним произойдет то же, что и с винтовкой. Впрочем, человек снизошел до того, что сообщил ему:

– Если двинешься – распылю.

– Нет, Холмер! – вскричала Макси. – Не смей его трогать! Он просто помог нам, потому что ему стало нас жалко!

– Пстой, крошка, ты же как будто говорила, что их только трое? – сказал Карпентер, не сводя глаз с Холмера.

– Их на самом деле трое, мистер Карпентер. Честное слово! Наверное, третий птеранодон был беспилотный. Они нас перехитрили!

Холмер должен был бы ухмыльнуться, но он не ухмыльнулся. Он заговорил, и в его голосе должно было бы прозвучать торжество, но и этого не было.

– Мы так и думали, приятель, – ты из будущего, – сказал он. – Мы тут устроились довольно давно и знали, что ты не можешь быть из настоящего. А раз так, нетрудно было сообразить, что когда этот твой танк вчера исчез, ты прыгнул во времени или вперед, или назад, и два против одного, что назад. Мы решили рискнуть, предположили, что ты сделаешь то же еще раз, если тебя прижать к стене, и устроили для тебя небольшую ловушку. Мы рассудили, что у тебя хватит ума в нее попасть. И верно – хватило. Я не распыляю тебя прямо сейчас же только потому, что еще не вернулись Роул и Фритад. Я хочу, чтобы они сначала на тебя полюбовались. А потом я тебя распылю, будь уверен. И этих обоих тоже. Нам они больше не нужны.

У Карпентера мороз пробежал по спине. В этих чисто логических рассуждениях было слишком много от самой обыкновенной мстительности. Возможно, птеранодоны чуть ли не с самого начала пытались «распылить» Марси, Скипа, Сэма и его самого, и если бы не защитное поле Сэма, несомненно, так бы и сделали. «Ну ничего, – подумал Карпентер. – Логика – палка о двух концах, и не один ты умеешь ею пользоваться».

– А скоро вернутся твои дружки? – спросил он.

Холмер ответил непонимающим взглядом. И тут Карпентер заметил, что у Холмера в ушах нет сережек.

* * *

Карпентер повернулся к Марси:

– Скажи-ка мне, крошка, если этот корабль упадет на бок, не взорвется ли тут что-нибудь – от изменения положения, например, или от удара о землю? Ответь «да» или «нет», иначе наш приятель поймет, о чем мы говорим.

– Нет, мистер Карпентер.

– А конструкция корабля достаточно прочная? Переборки нас не раздавят?

– Нет, мистер Карпентер.

– А аппаратура в рубке? Она хорошо закреплена? Не упадет на нас?

– Нет, мистер Карпентер.

– Хорошо. Теперь постарайтесь вместе со Скипом как можно незаметнее подвинуться вон к той стальной колонне в центре. Когда корабль начнет валиться, хватайтесь за нее и держитесь изо всех сил.

– Что он тебе говорит, девчонка? – резко спросил Холмер.

Марси показала ему язык.

– Так я тебе и сказала!

Очевидно, способность принимать хладнокровно взвешенные решения, руководствуясь исключительно строгой логикой, отнюдь не сопровождалась способностью соображать быстро. Только в эту минуту десентиментализированный марсианин понял, что из всех присутствующих лишь у него одного нет сережек.

Он полез в небольшую сумку, висевшую у него на поясе, достал оттуда пару сережек и начал одной рукой надевать их, продолжая держать в другой распылитель, нацеленный Карпентеру в лоб. Карпентер нащупал большим пальцем правой руки крохотные выпуклости на управляющем перстне, надетом на его указательный палец, отыскал нужные и нажал на них в нужной последовательности. Внизу, на равнине, из пальметтовой рожицы показалась тупоносая морда Сэма.

Карпентер сосредоточился и начал мысленно передавать по телепатическому каналу, который теперь соединил его мозг с крестцовым нервным центром Сэма:

– Сэм, убери рогопушки и включи защитное поле вокруг колпака кабины.

Сэм выполнил приказ.

– Теперь отступи назад, разбегись как следует, упрись в посадочную стойку справа от тебя и вышиби ее. А потом удирай во все лопатки!

Сэм выполз из рожицы, развернулся и рысью пробежал сотню метров по равнине. Потом он снова развернулся, готовясь к предстоящей атаке, и медленно двинулся вперед, а затем переключился на вторую передачу. Его топот превратился в громовые раскаты, которые проникли сквозь переборки в радиорубку. Холмер, который наконец вставил в уши сережки, вздрогнул и шагнул к иллюминатору.

К этому времени Сэм уже несся к кораблю, как таран. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что произойдет дальше.

Холмер имел не меньше семи пядей во лбу. Но иногда лишний ум не менее опасен, чем скудоумие. Так было и на этот раз. Позабыв о Карпентере, марсианин повернул рычажок справа от иллюминатора. Толстое небьющееся стекло скользнуло вбок, в стену. Марсианин высунулся наружу и направил свой распылитель вниз. В то же мгновение Сам врезался в посадочную стойку, и Холмер пулей вылетел в раскрытый иллюминатор.

Дети уже вцепились в колонну. Сделав отчаянный прыжок, Карпентер присоединился к ним.

– Держись, ребята! – крикнул он и повис на колонне.

Сначала корабль кренился медленно, потом начал падать все быстрее. В такие моменты лесорубы обычно кричат: «Пошел!» На этот раз кричать было некому, что не помешало гинкго благополучно завершить падение. На многие километры вокруг попрытались ящерицы, зарылись в землю черепахи, застыли, разинув рот, зауроподы. «БУММММ!» Карпентера вместе с детьми оторвало от колонны, но он ухитрился обхватить их и смягчить их падение своим телом.

От удара о переборку спиной у него перехватило дыхание. И все погрузилось во тьму.

Через некоторое время у него в глазах посветлело. Он увидел лицо Марси, парящее над ним, наподобие маленькой бледной луны. Ее глаза были как осенние астры после первого заморозка.

Она расстегнула ему воротник и, плача, гладила его щеки. Он улыбнулся ей, с трудом поднялся на ноги и огляделся. В радиорубке ничего не изменилось, но выглядела она как-то странно. Потом он понял: это оттого, что он стоит не на палубе, а на переборке. К тому же он все еще был сильно оглушен.

– Я боялась, что вы умерли, мистер Карпентер! – сквозь слезы говорила Макси.

Он взъерошил ее лютиковые волосы.

– Что, здорово я тебя обманул?

Через дверь, теперь оказавшуюся в горизонтальном положении, в рубку вошел Скип, держа в руках небольшой контейнер. При виде Карпентера лицо его осветилось радостью.

– Я пошел за укрепляющим газом, но, похоже, он вам уже не понадобится. Ну и рад же я, что с вами ничего не случилось, мистер Карпентер!

– С вами, кажется, тоже? – спросил Карпентер и с облегчением услышал утвердительный ответ. Все еще немного оглушенный, он взобрался по плавно изогнутой переборке к иллюминатору и выглянул наружу. Сэма нигде не было видно. Вспомнив, что канал телепатической связи все еще включен, Карпентер приказал трицератанку вернуться, а потом вылез через иллюминатор, спустился на землю и отправился искать тело Холмера. Поиски оказались безуспешными. Карпентер решил было, что Холмер остался жив и скрылся в лесу. Но потом он наткнулся на одну из трясин, которыми изобиловала местность. При виде ее взбаламученной поверхности он содрогнулся. Ну ладно – во всяком случае, теперь он знает, чьи это останки. Вернее, чьи это были останки.

В это время показался Сэм. Он приблизился тяжелой рысью, обогнув трясину, вовремя замеченную его навигационными приборами. Карпентер похлопал ящероход по голове, на которой не осталось ни малейших следов от недавнего столкновения с посадочной стойкой, потом выключил телепатическую связь и вернулся в корабль. Марси и Скип стояли у иллюминатора и не сводили глаз с неба. Карпентер повернулся и тоже посмотрел вверх. Над горизонтом виднелись три темных пятнышка.

Тут в голове у него окончательно прояснилось, он схватил обоих детей в охапку и помог им спуститься на землю.

– Бегите к Сэму! – крикнул он. – Скорее!

Сам он бросился вслед, но, несмотря на свои длинные ноги, не мог за ними угнаться. Они успели добежать до ящерохода и карабкались в кабину, а он не пробежал еще и полпути. Птеранодоны были уже близко – он видел на земле их тени, быстро его настигавшие. Но он не заметил под ногами небольшую черепаху, которая изо всех сил старалась убраться у него с дороги. Он споткнулся об нее и растянулся на земле.

Подняв голову, он увидел, что Марси и Скип уже захлопнули колпак Сэма. А через секунду он оцепенел от ужаса: ящероход исчез!

И вдруг на землю легла еще одна тень – такая огромная, что она поглотила птеранодонов.

Карпентер повернулся на бок и увидел космический корабль – он опускался на равнину, словно какой-то внеземной небоскреб. В то же мгновение из его верхней части вылетели три радужных луча. «ПФФФТ! ПФФФТ! ПФФФТ!» И все три птеранодона исчезли.

Небоскреб грузно приземлился, открыл люки размером с парадный подъезд и выкинул трап шириной с тротуар Пятой авеню. Из люка по трапу двинулась Подмога. Карпентер взглянул в другую сторону и увидел, что Сэм снова появился на том самом месте, где исчез. Колпак откинулся, и из кабины показались Марси и Скип в клубах голубоватого дыма.

Карпентер понял, что произошло, и про себя навсегда распрощался с двадцать вторым веком.

* * *

Дети подбежали к нему в тот момент, когда командующий Подмогой выступил перед фронтом своего войска. Оно состояло из шести рослых марсиан в пурпурных тогах, с суровыми лицами и распылителями в руках. Командир был еще более рослым, в еще более пурпурной тоге, с еще более суровым лицом, а в руке у него было нечто вроде волшебной палочки, какие бывают у фей. Он окинул Карпентера недобрый взглядом, потом таким же недобрый взглядом окинул обоих детей.

Дети помогли Карпентеру подняться на ноги. Не то чтобы он физически нуждался в помощи – просто он был ошарашен стремительной сменой событий и слегка растерялся. Макси плакала.

– Мы не нарочно сломали Сэма, мистер Карпентер, – глотая слова от волнения, говорила она. – Но, чтобы спасти вам жизнь, оставалось только одно прыгнуть назад на четыре дня, два часа, шестнадцать минут и три и три четверти секунды, пробраться на борт корабля похитителей и дать радиограмму Космической полиции. Иначе они не успели бы вовремя. Я сообщила им, что вы попали в беду и чтобы у них были наготове радугометы. А потом, как раз когда мы хотели вернуться в настоящее, у Сэма сломался временной двигатель, и Скипу пришлось его чинить, а потом Сэм все равно перегорел. Простите нас, пожалуйста, мистер Карпентер! Теперь вы больше никогда не сможете вернуться в 79.062.156 год, и увидеть мисс Сэндз, и...

Карпентер похлопал ее по плечу.

– Ничего, крошка. Все в порядке. Вы правильно сделали, и я вами горжусь.

Он восхищенно покрутил головой.

– Это же надо было все так точно рассчитать!

Улыбка пробилась сквозь слезы, и слезы высохли.

– Я... я же неплохо считаю, мистер Карпентер.

– А рубильник включил я! – вмешался Скип. – И временной двигатель починил тоже я, когда он сломался!

Карпентер усмехнулся.

– Знаю, Скип. Вы оба просто молодцы.

Он повернулся к рослому марсианину с волшебной палочкой в руках и заметил, что тот уже вдел в уши сережки.

– Я полагаю, что столь же обязан вам, как и Марси со Скипом, – сказал Карпентер. – И я весьма признателен. А теперь мне, боюсь, придется просить вас еще об одном одолжении – взять меня с собой на Марс. Мой ящероход перегорел, и отремонтировать его могут только специалисты, да и то лишь в сверхсовременной мастерской со всеми приспособлениями. Из этого следует, что я лишен всякой возможности связаться с временем, из которого сюда прибыл, или в него вернуться.

– Мое имя Гаутор, – сказал рослый марсианин и повернулся к Марси. – Изложи мне со всей краткостью, на какую ты способна, все, что произошло начиная с твоего прибытия на эту планету и до настоящего момента.

Марси повиновалась.

– Так что вы видите, сэр, – закончила она, – помогая Скипу и мне, мистер Карпентер

оказался в очень тяжелом положении. Вернуться в свое время он не может, выжить в этом времени – тоже. Мы просто вынуждены взять его с собой на Марс, и все.

* * *

Гаутор ничего не ответил. Он небрежным жестом поднял свою волшебную палочку, направил ее на лежащий корабль похитителей и повернул рукоятку. Палочка загорелась яркими зелеными и синими огнями. Через несколько секунд из небоскреба вылетел радужный снап огня, упал на корабль похитителей, и с кораблем произошло то же, что и с тремя птеранодонами. Гаутор повернулся к своим людям.

– Проводите детей на борт полицейского крейсера и обеспечьте им должный уход.

Потом он повернулся к Карпентеру.

– Правительство Большого Марса выражает вам признательность за оказанную услугу – спасение двух его будущих бесценных граждан. Я благодарю вас от его имени. А теперь, мистер Карпентер, прощайте.

Гаутор отвернулся. Макси и Скип бросились к нему.

– Вы не можете его здесь оставить! – вскричала Марси. – Он погибнет!

Гаутор дал знак двоим марсианам, к которым только что обращался. Они прыгнули вперед, схватили детей и поволокли их к кораблю-небоскребу.

– Погодите, – вмешался Карпентер, несколько озадаченный новым поворотом событий, но не потерявший присутствия духа. – Я не умоляю о спасении моей жизни, но если вы примете меня в свое общество, я могу принести вам кое-какую пользу. Я могу, например, научить вас путешествовать во времени. Могу...

– Мистер Карпентер, если бы мы хотели путешествовать во времени, мы бы давным-давно этому научились. Путешествие во времени – занятие для глупцов. Прошлое уже случилось, и изменить его нельзя. Так стоит ли пытаться? Что же касается будущего – нужно быть идиотом, чтобы стремиться узнать, что будет завтра.

– Ну ладно, – сказал Карпентер, – тогда я не буду изобретать путешествие во времени, буду держать язык за зубами, жить тихо-спокойно и стану примерным гражданином.

– Не станете, мистер Карпентер, и вы сами это прекрасно знаете. Для этого вас нужно десентиментализировать. А по выражению вашего лица я могу сказать, что вы никогда добровольно на это не согласитесь. Вы скорее останетесь здесь, в вашем доисторическом прошлом, и здесь погибнете.

– Раз уж на то пошло, пожалуй, я так и сделаю, – ответил Карпентер. – Даже тиранозавр в сравнении с вами – просто филантроп, а уж все остальные динозавры, и ящеротазовые, и птицетазовые, не в пример человечнее. Но, мне кажется, есть одна простая вещь, которую вы могли бы для меня сделать без особого ущерба для своего десентиментализированного душевного спокойствия. Вы могли бы дать мне какое-нибудь оружие взамен того, что уничтожил Холмер.

Гаутор покачал головой.

– Как раз этого я и не могу сделать, мистер Карпентер, потому что оружие легко может быть обнаружено вместе с вашими останками, и тем самым на меня ляжет ответственность за анахронизм. Один такой анахронизм уже отчасти на моей совести – труп Холмера, который мы не можем извлечь. Я не хочу рисковать и брать на себя новую ответственность. Как вы думаете, почему я уничтожил корабль похитителей?

– Мистер Карпентер! – крикнул Скип с трапа, по которому его с сестрой волокли двое

марсиан. – Может быть, Сэм не совсем перегорел? Может быть, у него еще хватит сил хотя бы послать назад банку зайчатины?

– Боюсь, что нет, Скип, – крикнул в ответ Карпендер. – Но ничего страшного, ребята. Не беспокойтесь за меня – я переблюсь. Животные всегда меня любили, а ведь ящеры – тоже животные. Может быть, и они меня полюбят?

– О, мистер Карпендер, – прокричала Марси, – мне ужасно жаль, что все так вышло. Почему вы не взяли нас с собой в ваш 79.062.156 год? Мы все время этого хотели, только боялись сказать.

– Да, надо бы мне так сделать, крошка, надо бы...

В глазах у него все вдруг расплылось, и он отвернулся. Когда же он снова взглянул в ту сторону, двое марсиан уводили Марси и Скипа в шлюзовую камеру. Он помахал рукой.

– Прощайте, ребята! – крикнул он. – Я никогда вас не забуду!

Марси сделала последнюю отчаянную попытку вырваться. Еще немного – и это бы ей удалось. В ее глазах, похожих на осенние астры, утренней росой блестели слезы.

– Я люблю вас, мистер Карпендер! – успела она прокричать перед тем, как скрылась из виду. – Я буду любить вас всю жизнь!

Двумя ловкими движениями Гаутор вырвал сережки из ушей Карпендера, потом вместе с остальными марсианами поднялся по трапу и вошел в корабль.

«Вот тебе и Подмога», – подумал Карпендер. Парадный подъезд захлопнулся. Небоскреб дрогнул, величественно поднялся в воздух и некоторое время парил над Землей. Наконец, отбросив спящий поток света, он устремился в небо, взвился к зениту и превратился в звездочку. Это не была падающая звезда и все-таки Карпендер загадал желание.

– Желаю вам обоим счастья, – сказал он. – И желаю, чтобы они не смогли отнять у вас сердце, потому что уж очень хорошие у вас сердца.

Звездочка поблекла, замерцала и исчезла. Он остался один на обширной равнине.

Земля дрогнула. Повернувшись, он увидел, что справа, рядом с тремя веерными пальмами, движется что-то большое и темное. Через мгновение он различил гигантскую голову и массивное, прямо стоящее туловище. Два ряда саблевидных зубов сверкнули на солнце, и он невольно сделал шаг назад.

Это был тиранозавр.

Ящероход, даже если он сломан, – все же лучше, чем ничего. И Карпентер помчался к Сэму. Забравшись в кабину и захлопнув колпак, он смотрел, как приближается тиранозавр. Было ясно, что хищник заметил Карпентера и теперь направляется прямо к Сэму. Защитное поле кабины было выключено Марси со Скипом, и Карпентер представлял собой довольно-таки легкую добычу. Однако он не спешил убратся в каюту, потому что Марси и Скип оставили выдвинутыми рогопушки. Навести их теперь было невозможно, но стрелять они все еще могли. Если бы тиранозавр подошел на нужное расстояние, то его, может быть, удалось бы на некоторое время вывести из строя парализующими зарядами. Правда, пока что тиранозавр приближался под прямым углом к направлению, куда смотрели рогопушки, но все еще оставалась надежда на то, что прежде чем напасть, он окажется перед ними, и Карпентер решил выждать.

Он низко пригнулся на сиденье, готовый нажать на спуск. Кондиционер не работал, и в кабине было жарко и душно. К тому же в воздухе стоял едкий запах горелой изоляции. Карпентер заставил себя не обращать на это внимание и сосредоточился.

Тиранозавр был уже так близко, что можно было разглядеть его атрофированные передние ноги. Они свисали с узких плеч чудовища, словно высохшие лапки какого-то другого существа, раз в десять меньшего. Над ними, в добрых семи метрах от земли, на шее толщиной со ствол дерева возвышалась гигантская голова: под ними уродливый торс, расширяясь книзу, переходил в задние ноги. Мощный хвост волочился позади, и треск ломающихся под его тяжестью кустов сопровождал громовые удары, которые раздавались всякий раз, когда на землю ступала огромная лапа с птичьим когтем на конце. Карпентер должен был бы оцепенеть от ужаса – он никак не мог понять, почему ему не страшно.

В нескольких метрах от трицератанка тиранозавр остановился, и его приоткрытая пасть разинулась еще шире. Полуметровые зубы, торчавшие из челюстей, могли сокрушить лобовой колпак Сама как бумажный, и, по всей видимости, именно это чудовище и собиралось вот-вот сделать. Карпентер приготовился поспешно ретироваться в каюту, но в самый страшный момент тиранозавру как будто не понравилось выбранное им направление атаки, и он начал приближаться к ящероходу спереди, предоставляя Карпентеру долгожданную возможность. Его пальцы легли на первую из трех спусковых кнопок, но не нажали ее. «Почему же все-таки мне совсем не страшно?» – пронеслось в его голове.

Он взглянул сквозь колпак на чудовищную голову. Огромные челюсти продолжали раскрываться все шире. Вот уже вся верхняя часть черепа поднялась вертикально. Карпентер не поверил своим глазам – над нижним рядом зубов показалась еще одна голова, на этот раз отнюдь не чудовищная, и посмотрела на него ясными голубыми глазами.

– Мисс Сэндз! – выдохнул он и чуть не свалился с водительского сиденья.

* * *

Придя в себя, он откинул колпак, вышел на тупоносую морду Сэма и любовно похлопал тиранозавра по брюху.

– Эдит! – сказал он ласково. – Эдит, милочка, это ты!

– Вы целы, мистер Карпентер? – крикнула сверху мисс Сэндз.

– Вполне, – ответил Карпентер. – Ну и рад же я вас видеть, мисс Сэндз!

Рядом с ее головкой показалась еще одна – знакомая каштановая голова Питера Детрайтеса.

– А меня вы тоже рады видеть, мистер Карпендер?

– Еще бы, Пит, приятель!

Мисс Сэндз выдвинула из нижней губы Эдит трап, и оба спустились вниз. Питер Детрайтес тащил за собой буксирный трос, который тут же принялся прицеплять к морде Сэма и к хвосту Элит. Карпендер помогал ему.

– А откуда вы узнали, что мне пришлось туго? – спросил он. – Ведь я ничего не посылал.

– Сердце подсказало, – ответил Питер Детрайтес и повернулся к мисс Сэндз. – Ну, у нас все, Сэнди.

– Что ж, тогда поехали, – откликнулась мисс Сэндз. Она взглянула на Карпендера и быстро опустила глаза. – Если, конечно, вы уже покончили со своим заданием, мистер Карпендер.

Теперь, когда первое радостное возбуждение схлынуло, он почувствовал, что снова, как и прежде, совсем теряется в ее присутствии.

– Покончил, мисс Сэндз, – сказал он, обращаясь к левому карману ее куртки. – И вы не поверите, как все обернулось!

– Ну, не знаю. Бывает, самые невероятные вещи на поверку оказываются самыми правдоподобными. Я приготовлю вам что-нибудь поесть, мистер Карпендер.

Она легко поднялась по лестнице. Карпендер последовал за ней, а за ним – Питер Детрайтес.

– Я сяду за руль, мистер Карпендер, – сказал он. – Похоже, что вы порядком измотаны.

– Так оно и есть, – признался Карпендер.

Спустившись в каюту Эдит, он рухнул на койку. Мисс Сэндз зашла в кухонный отсек, поставила воду для кофе и достала из холодильника ветчину. Питер Детрайтес, оставшийся наверху, в кабине, захлопнул колпак, и Эдит тронулась.

Питер был прекрасным водителем и готов был сидеть за рулем день и ночь. И не только сидеть за рулем – он мог бы с закрытыми глазами разобрать и собрать любой ящероход. «Странно, почему они с мисс Сэндз не влюбились друг в друга? – подумал Карпендер. – Они оба такие милые, что им давно следовало бы это сделать». Конечно, Карпендер был рад, что этого не произошло, хотя ему-то от этого было не легче.

А почему они ни слова не сказали о корабле Космической полиции? Ведь не могли же они не видеть, как он взлетает...

Эдит не спеша двигалась по равнине в сторону холмов. Через иллюминатор было видно, как за ней ковыляет Сэм. В кухоньке мисс Сэндз резала ветчину. Карпендер засмотрелся на нее, пытаясь отогнать печаль, навеянную расставанием с Марси и Скипом. Его взгляд остановился на ее стройных ногах, тонкой талии, поднялся выше, к медно-красным волосам, задержавшись на мгновение на шелковистом пушке, который покрывал ее шею под короткой стрижкой. Странно, что с возрастом волосы всегда темнеют...

Карпендер неподвижно лежал на койке.

– Мисс Сэндз, – сказал он вдруг. – Сколько будет 499.999.991 умножить на 8.003.432.111?

– 400.171.598.369.111.001.

Мисс Сэндз вдруг вздрогнула. А потом продолжала резать ветчину.

* * *

Карпендер медленно сел и спустил ноги на пол. У него сжалось сердце и перехватило дыхание.

Возьмите двух одиноких детишек. Один из них гений по части математики, другой – по части техники. Двое одиноких детишек, которые за всю свою жизнь не знали, что такое быть любимыми. Перевезите их на другую планету и посадите в ящероход, который при всех своих достоинствах – всего лишь чудесная огромная игрушка. Устройте для них импровизированный пикник в меловом периоде и приласкайте их впервые в жизни. А потом отнимите у них все это и в то же время оставьте им сильнейший стимул к возвращению – необходимость спасти человека. И при этом сделайте так, чтобы спасая его жизнь, они могли – в ином, но не менее реальном смысле слова – спасти свою.

Но 79.062.156 лет! 75.000.000 километров! Это невозможно! А почему?

Они могли тайком построить машину времени в своей подготовительной школе, делая вид, что готовятся к десентиментализации; потом, как раз перед тем, как начать принимать десентиментализирующий препарат, они могли войти в машину и совершить скачок в далекое будущее.

Правда, такой скачок должен был бы потребовать огромного количества энергии. Правда, картина, которую они увидели бы на Марсе, прибыв в будущее, не могла не потрясти их до глубины души. Но это были предприимчивые дети – достаточно предприимчивые, чтобы использовать любой значительный источник энергии, оказавшийся под рукой, и чтобы выжить при нынешнем климате и в нынешней атмосфере Марса до тех пор, пока не отыщут одну из марсианских пещер с кислородом. А там о них должны были бы позаботиться марсиане, которые научили бы их всему, что нужно, чтобы они смогли сойти за уроженцев Земли в одном из куполов-колоний. Что же касается колонистов, то те вряд ли стали бы задавать лишние вопросы, потому что были бы счастливы увеличить свою скудную численность еще на двух человек. Дальше детям оставалось бы только терпеливо ждать, пока они вырастут и смогут заработать на поездку на Землю. А там им оставалось бы только получить нужное образование и стать палеонтологами.

Конечно, на все это понадобилось бы много лет. Но они должны были предвидеть это и рассчитать свой прыжок во времени так, чтобы прибыть заранее и к 2156 году все успеть. И этого запаса времени только-только хватило: мисс Сэндз работает в САПО всего три месяца, а Питер Детрайтес устроился туда месяцем позже. По ее рекомендации, разумеется.

Они просто шли кружным путем, вот и все. Сначала 75.000.000 километров до Марса в прошлом; потом 79.062.100 лет до нынешнего Марса; снова 75.000.000 километров до нынешней Земли – и наконец, 79.062.156 лет в прошлое Земли.

Карпендер сидел на койке, пытаясь собраться с мыслями.

Знали ли они, что это они будут мисс Сэндз и Питер Детрайтес? – подумал он. Наверное, знали – во всяком случае, именно на это они рассчитывали, потому и взяли себе такие имена, когда присоединились к колонистам. Получается парадокс, но не очень страшный, так что и беспокоиться об этом нечего. Во всяком случае, новые имена им вполне подошли.

Но почему они вели себя так, как будто с ним незнакомы?

Так ведь они и были незнакомы, разве нет? А если бы они рассказали ему всю правду, разве он бы им поверил?

Конечно, нет.

Впрочем, все это ничуть не объясняло, почему мисс Сэндз так его не любит.

А может быть, дело совсем не в этом? Может быть, она так держится с ним потому же, почему и он так с ней держится? Может быть, и она так же боготворит его, как он ее, и так же теряется при нем, как и он при ней? Может быть, она старается по возможности на него не смотреть, потому что боится выдать свои чувства, пока он не узнает, кто она такая?

Все расплылось у него перед глазами.

Каюту заполнял ровный гул моторов Эдит. И довольно долго ничто больше не нарушало тишины.

– В чем дело, мистер Карпентер? – неожиданно сказала мисс Сэндз. – Заснули?

И тогда он встал. Она повернулась к нему. В глазах ее стояли слезы, она смотрела на него с нежностью и обожанием – точно так же, как смотрела прошлой ночью, 79.062.156 лет назад, у мезозойского костра в верхнемеловой пещере. «Да если вы скажете ей, что ее любите, она бросится вам на шею – вот увидите!»

– Я люблю тебя, крошка, – сказал Карпентер.

И она бросилась ему на шею.